

## Д. ОРТЕНБЕРГ



первые же дни войны, когда мы стали собирать писательские силы для работы в «Красной звезде», я позвонил Алексею Николаевичу Толстому и попросил: не может ли он

приехать к нам в редакцию, на улицу Чехова.

— Сейчас приеду,— сразу же услышал я ответ и почувствовал, что Толстой обрадовался этому приглашению.

С волнением ожидал я первой встречи с Алексеем Николаевичем. Волновался еще и потому, что вспомнил историю, которая произошла года за два до войны. Это было в начале 1939 года, когда мы готовили номер газеты, посвященный 21-й годовщине Красной Армии, и нам

очень хотелось, чтобы в нашей газете выступили большие писатели. Я набрал тогда номер телефона Толстого в Барвихе, назвал свое воинское звание и должность, объяснил, о чем пойдет речь, и попросил позвать его к телефону. Через несколько минут я услышал:

— Алексей Николаевич сейчас работает. Он не сможет написать для вашей газеты статью, занят...

Не скажу, чтобы я обиделся, но какая-то заноза задела в моей душе. По своей тогдашней наивности, что ли, я не понял, что ничего обидного в таком отказе нет. Много лет спустя я узнал, что как раз в то время Толстой напряженно работал над своей трилогией «Хождение по мукам» и вдобавок еще писал пьесу. Узнал я хорошо и самого Алексея Николаевича, но все это было позже, а в ту пору, до самой войны, я больше не звонил ему.

И вот теперь я снова рискнул позвонить Толстому и ждал его. Часа через полтора открылась дверь, и в мой кабинет вместе со своей женой — Людмилой Ильиничной — вошел Толстой; в широкополой мягкой шляпе, из-под которой выбивались пряди волос, с тяжелой палкой, он, едва переступив порог, своим высоким баритоном сказал:

— Я полностью в вашем распоряжении...

С этого дня началась та дружба «Красной звезды» с Толстым, о которой Николай Тихонов в одном из своих писем из блокадного Ленинграда писал мне: «Если Алексей Николаевич в Москве, приветствуйте его сердечно от меня. Его сотрудничество в «Красной звезде» очень естественное, правильное и нужное».

Толстой часто заходил в редакцию, особенно в первые годы войны, приносил свои статьи, и мы вместе их вычитывали, стоя у высокой конторки — так, по-моему, легче смотрится мелкий типографский шрифт.

— У нас одинаковые вкусы... — как-то пошутил Толстой, указывая на конторку.

Так я узнал, что Алексей Толстой пишет не за письменным столом, а стоя именно у такой же конторки, только, как я потом, бывая у Толстого, заметил, более массивной, чем моя, из красного дерева, со множеством ящичков и шкафчиков.

Было легко и отраднo работать с Алексеем Николаевичем. Я чувствовал, что он с таким же уважением отно-

сится к редакторскому труду, как и к своему. Однако он не терпел, когда в рукописи «хозяйничали» без него. Поэтому связь у нас шла напрямую: писатель — редактор. Статьи Толстого были написаны великолепным языком и, конечно, не нуждались в стилистической правке. Обычно правка ограничивалась уточнениями, связанными с некоторыми политическими нюансами, военной обстановкой, положением на фронтах и т. д.

Как-то мы с Алексеем Николаевичем читали одну из его статей. Все «утрясли», и я написал на уголке первой странички: «В набор». Это означало, что никто больше не может ни вставить, ни изменить ни слова без согласия Толстого. Но поздно ночью, уже в подписной полосе, нашему литературному правщику, первоклассному, надо сказать, стилисту М. Головину, не понравилась какая-то фраза; он предложил ее исправить и убедил меня. Газету мы тогда делали поздно, дело шло к четвертому часу утра. Мы пожалели Толстого — не подымать же его с постели из-за одной фразы — и решили исправить ее сами.

На второй день заходит ко мне Алексей Николаевич. По глазам вижу — рассержен.

— Вы, редакторы, политику, может, и лучше меня знаете, а литературную правку показали бы мне!

Мне пришлось покаяться и пообещать Алексею Николаевичу, что в следующий раз, если такая история произойдет ночью, мы «жалеть» его не будем...

Зато полную свободу предоставлял нам Толстой с заголовками. Обычно, за редким исключением, он присылал свои статьи без названий, давая нам право самим «помучиться» над ними. Получалось по-разному. Бывали удачные заголовки, за которые Толстой говорил нам спасибо. Бывали и неудачи. Был такой случай, когда двум его статьям, напечатанным в разное время, мы дали одинаковые названия, и Толстой не раз по этому поводу подтрунивал над нами.

Появление Толстого было для нас каждый раз радостью. Он был по природе своей жизнерадостным человеком. Даже в самые тяжелые дни не изменял своей привычке пошутить, поострить, и его настроение передавалось окружающим. Рассказчиком Толстой был изумительным. Он держал в своей памяти тысячи всяких

историй, трагических, комических и трагикомических, а некоторые, как мне казалось, тут же сочинял, «с ходу».

«А. Толстой,— писал о нем Якуб Колас,— типично русский человек, с широкой открытой русской душой, склонный к русскому юмору и оптимизму». Таким мы его и знали и гордились, что в нашем корреспондентском корпусе состоит такой выдающийся писатель, как Алексей Толстой.

В те годы больших совещаний в редакции мы не проводили. Кто был под рукой или приезжал с фронта — с теми и совещались. Нередко у нас собирались Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Илья Эренбург, и мы обсуждали фронтовое и редакционное житье-бытье. Порой в беседе врывались воздушные тревоги, и тогда наш комендант тащил писателей в полуподвал дома «Красной звезды», объявленный бомбоубежищем. Это хлипкое здание, служившее до революции не то складом, не то чаеразвесочной фабрикой и хаотически обросшее легковесными пристройками, казалось, только и ждало ветра похлеще, чтобы развалиться на куски. Наше пребывание в этом «бомбоубежище» Эренбург назвал как-то «презрением к смерти». Толстой долго смеялся этой остроте и, появляясь в редакции, шутил:

— Опять будете тащить меня в свое «презрение»...

Шел август сорок первого года. Мы сидели вчетвером в комнате, где я, как и почти все работники редакции, жил на казарменном положении. На столе было неплохое по тем временам угощение — чай, немного колбасы, немного сыру и огромное блюдо с винегретом, который даже такой прижимистый начАХО, как наш Василий Одецков, выдавал без ограничения.

Толстой рассказал, как он недавно побывал у летчиков, Шолохов — о поездке на Западный фронт, а Эренбург — о командировке под Брянск. Зашла речь о том, что встречается еще у некоторых наших бойцов благодушное отношение к врагу. Эренбург был свидетелем такого эпизода на Брянском фронте. Его повели к пленным, находившимся в березовой роще у штаба полка. Держали пленные себя не только свободно, но и нагло, а у наших окруживших их бойцов, настроение было до-

вольно добродушное. Они еще не знали всего, что творят гитлеровцы за линией фронта, на захваченной ими советской земле; угощали немцев папиросами и даже называли их товарищами. Какой-то унтер с расстегнутым воротом подошел к бойцу, назвал его «товарищ комиссар» и тоже получил папиросу. А когда взял ее, то, отвернувшись и думая, что его не поймут, сказал другому пленному: «Русские свиньи». Эренбург перевел красноармейцам эти слова. Реакцию бойцов нетрудно угадать: благодушие как рукой сняло.

— Не все еще поняли, что с фашистской армией не будет братания, не будет примирения,— заключил свой рассказ об этом Илья Григорьевич.

Толстой вспомнил 1914 год и солдатские настроения в ту пору. Тогда в войсках первое время ненависти к противнику не было. Но сейчас другой враг и другая война. Не на жизнь, а на смерть!

— Против благодушия,— сказал Толстой,— есть одно лишь средство — ненависть. Такая, чтобы не давала ни спать, ни дышать... Надо об этом писать больше, острее, постоянно...

Слова писателей были взяты на вооружение газетой. На страницах «Красной звезды» появились новые статьи и материалы, вскрывающие звериную породу германского фашизма и его армии.

Мне особенно запомнилась статья Толстого «Лицо гитлеровской армии», опубликованная 31 августа 1941 года. История ее такова. Дней за десять до этого в «Красной звезде» была напечатана его же статья «Фашисты ответят за свои злодеяния». В ней он гневно писал о расстрелах красноармейцев, убийстве детей, женщин, стариков на оккупированной советской земле. Толстой обличал фашистов: «Зверями вас назвать нельзя,— дикие звери жестоки, но не убивают для наслаждения убийством и не проливают крови себе подобных. Нельзя вас назвать и сумасшедшими,— вы совершаете зверства обдуманно и планомерно».

Я не раз вспоминал эти слова Толстого: «обдуманно и планомерно», когда читал уже после войны материалы Нюрнбергского процесса, вскрывшего всю обдуманность и планомерность гитлеровских зверств.

А тогда, в сорок первом, вскоре после выступления

писателя мы получили «перехват» Берлинского радиоцентра. Геббельс пытался отрицать все, что было написано в статье Толстого, нагло обвиняя его в том, что он «бессовестно лжет», пишет «окровавленным пером» и т. п.

Когда мы познакомили Толстого с этим «опровержением», он сразу же сказал:

— Я отвечу им...

И быстро откликнулся статьей «Лицо гитлеровской армии», привел рассказы свидетелей, которые «в любой час могут быть опрошены международной расследовательской комиссией, если таковая будет создана».

Относительно же своего «окровавленного пера» Толстой отвечал: «Заявляю на весь мир всем, всем гражданам и воинам свободных стран, борющихся с фашизмом, а также германскому народу. Я заявляю: немецкие солдаты и охранные отряды фашистов совершают столь непостижимые уму зверства, что — прав Геббельс — чернила наливаются кровью, и, будь у меня угрюмая фантазия самого дьявола, мне не придумать подобных пиршеств пыток, смертных воплей, мук, жадных истязаний и убийств, какие стали повседневным явлением в областях Украины, Белоруссии и Великороссии, куда вторглись фашистско-германские орды».

Тогда мы еще ничего не знали о майданеках и освенцимах, керченских рвах и бабьих ярах — Толстой как бы предупредил, что фантазия фашистских дьяволов не остановится и перед такими преступлениями.

Конечно, какой редактор не хотел бы, чтобы «старшая газета» перепечатала опубликованный им материал. Но статья Толстого была столь сильной и столь важной не только для армии, но и для всей страны, для всего мира, что я, смилив в себе свой газетный «краснозвездовский» патриотизм, позвонил редактору «Правды» П. Н. Поспелову и редактору «Известий» Л. Я. Ровинскому и предложил напечатать статью всем одновременно. Она и была напечатана в один и тот же день тремя нашими газетами, а потом передана радиовещанием на иностранных языках по всему миру.

Писал Толстой для «Красной звезды» много и безотказно, хотя и признавался, что ему легче написать большой рассказ, чем маленькую статью. Конечно, Толстому, годами работавшему над одним произведением, не легко

было «перестроиться»; но в те дни писатель, можно сказать, приобрел «второе дыхание». В 1941 году одна за другой были, например, напечатаны в «Красной звезде» его статьи 24 июля, 29 июля, 30 июля, 3 августа...

Толстой не делил свои выступления на значительные и незначительные. Небольшие заметки он писал для нас с тем же тщанием, как и большие трехколонные «стояки» и «подвальные» статьи.

Пятого сентября сорок первого года редакция получила краткое сообщение своего корреспондента по Западному фронту, которое было опубликовано под шапкой на всю страницу: «Родина никогда не забудет бессмертного подвига летчиков Сковородина, Ветлужских и Черкашина» — они повторили подвиг капитана Гастелло. На второй день газета выступила с передовой статьей на эту же тему, а под передовой были напечатаны стихи Михаила Голодного «Богатыри».

И все же мы почувствовали, что нужны еще какие-то особенно сильные слова о героях. И мы обратились к Толстому.

Толстой написал небольшую статью «Бессмертие». В ней были те же факты, что и в сообщении корреспондента и в передовой. Но изложенные по-своему, с присущей писателю страстностью.

Вспоминается и другая небольшая статья, «Смерть рабовладельцам!». Наши фронтовые корреспонденты прислали в редакцию несколько писем из Германии, найденных на убитых фашистских солдатах. Это были поражающие своим жестоким цинизмом письма новых рабовладельцев: «Кто бы мог подумать, Вилли, что такое животное, как наша украинка, умеет прекрасно шить», или «удрали три литовца, но заменены уже белорусами. Это даже дешевле... Прокормить этих белорусов можно очень дешево. Русские получают только хлеб из свеклы»...

Эти письма мы послали Толстому.

В тот же день статья размером в две страницы была уже у меня на столе, на завтра ее читала вся армия. Статья состояла из этих выдержек и всего из двух абзацев: «Прочтите эти письма, товарищи. Они найдены в карманах убитых немцев. Эти документы потрясают своим цинизмом. Вы в них увидите страшную судьбу советских

людей, насильно увезенных в подлую и темную Германию. От вас, от вашей стойкости, от вашего мужества и решимости разгромить врага зависит — будут ли бесноватые немки хлестать по щекам русских, украинских и белорусских женщин да кормить их одним хлебом из свеклы, как скотину».

И заключительный абзац:

«Воин Красной Армии, закрой на минуту лицо своей рукой. Больно русскому читать эти немецкие строки. Штыком своим, омоченным в фашистской крови, зачеркни их.

Смерть рабовладельцам!»

На второй день «Правда» перепечатала эту статью, и ее прочла вся страна.

Мы знали, что Алексей Николаевич и в годы войны много работал над большими произведениями. Он писал киносценарий «Рейд энской дивизии» — повесть о дивизии, героически сражавшейся в окружении. И хотя это произведение шло не по нашему «ведомству», мы им все время интересовались. «Как у вас идет работа над сценарием? — спрашивала редакция в одном из своих писем. — Когда вы его закончите — будем печатать в газете один-два отрывка». И поскольку мне не терпелось побыстрее их напечатать, я торопил автора: «Было бы еще лучше сделать это сейчас».

Кинокартина по этому сценарию, как известно, не вышла на экран. Пока готовились съемки, обстановка на фронте изменилась, началось наше контрнаступление под Москвой, тема борьбы в окружении отошла на второй план. Произведение это лежит неопубликованным в архиве. Увидел свет лишь отрывок из сценария, напечатанный в «Красной звезде» 18 сентября 1941 года.

Мы знали также, что Толстой пишет драматическую повесть «Иван Грозный». В те же годы он перерабатывал свою трилогию «Хождение по мукам». Немало сил он отдавал и общественным делам. В одной из своих телеграмм в редакцию из Ташкента Толстой сообщал: «Был занят организацией концерта в пользу эвакуированных детей, которому придают большое значение общественность и правительство. В настоящее время продолжаю

работу над «Русской правдой». Вышло в ближайшие дни». Как мне потом рассказала Людмила Ильинична, участие Толстого в концерте для детей действительно отняло у него много времени. Он написал специально для этого концерта скетч «На крышах Москвы» и даже исполнял в этом скетче роль (без слов) плотника.

Сейчас, когда в архиве рукописей Института мировой литературы имени А. М. Горького я увидел картотеку переписки писателя, мне стала еще очевидней мера его загруженности в дни войны. Здесь и телеграммы и письма: из редакции дивизионной газеты «В атаку», из армейской газеты «На врага», из фронтовых, областных, центральных газет, Совинформбюро, радио с просьбами прислать свои статьи, многочисленные приглашения выступить на собраниях, принять участие в комиссиях...

Но мы знали: если надо приехать в редакцию «Красной звезды» и написать для нашей газеты, Толстой делает это незамедлительно. Не скрою, что мы широко пользовались его добрым отношением к военной газете и нагрузку ему давали большую.

Конечно, не все темы принимались Толстым, на это редакция и не рассчитывала. Часто он сам присылал статью на ту или другую животрепещущую тему, неожиданную для нас, не запланированную нами. И мы, разумеется, радовались этому.

Алексей Николаевич был очень обязательным сотрудником газеты. Сам в свои ранние годы литературной деятельности журналист, он хорошо понимал нашу работу, чувствовал газетный темп и никогда не подводил редакцию. Мы знали, что, если Алексей Николаевич обещал, что статья будет в такой-то день и час, можно смело оставлять для нее место не только в макете номера, но и в сверстанной полосе.

В редакции Алексей Николаевич встречался со своими старыми знакомыми — Михаилом Шолоховым, Ильей Эренбургом, Алексеем Сурковым, Петром Павленко, Николаем Кружковым и другими писателями, работавшими в «Красной звезде». Здесь он впервые познакомился и с писателями нового поколения, чьи таланты проявились в военную пору.

Как-то в 1942 году разговорились мы с Толстым о Константине Симонове. К этому времени Симонов уже

напечатал немало корреспонденций и очерков, стал заметной фигурой среди военных писателей и журналистов. Толстому нравились его очерки и стихи.

— Симонов только что вернулся с фронта,— сказал я Толстому.— Он здесь, в редакции. Хотите, я позову его?

С Толстым Симонов был знаком лишь издали и почитательно. Он не раз видел Алексея Николаевича в Союзе писателей и в Доме литераторов. Однажды Толстой сказал добрые слова о стихотворении «Генерал», и это было дорого для Симонова, ибо именно «Генерал», по мнению поэта, положил начало его серьезной поэтической деятельности. В 1941 году Симонов написал книжку лирических стихов «С тобой и без тебя». Правда, когда он их сочинял, то думал, что до конца войны их вряд ли удастся напечатать. Но они были не только напечатаны, но и встретили теплый прием читателя.

Появился Симонов. Худой, долговязый, подвижной, с загорелым от фронтовых странствований лицом.

— Ну, вот вам и Симонов, которого вы хотели похвалить,— сказал я Толстому.

Толстой стал говорить о том, что ему понравилась любовная лирика Симонова, заговорили вообще о лирике и поэтическом мастерстве. Толстой заметил, что вот одни пишут лирику и доводят дело только до первого свидания, а другие, наоборот, главным образом вздыхают по поводу разлуки.

— А ваши стихи о любви,— сказал Толстой,— действительно стихи о любви. Без стыдливых умолчаний, без всхлипываний и дешевых сантиментов. Иногда, читая любовную лирику, не чувствуешь, что это ходит по земле и любит женщину мужчина, зато ощущаешь желание автора написать покрасивее и почувствительней...

В общем, стихи Симонова Толстому понравились, с этого начался и этим кончился их разговор.

Не раз просил Толстой у меня командировку на фронт. Понять писателя было нетрудно. Он хотел видеть войну своими глазами; его не удовлетворяли материалы, получаемые из вторых рук.

Но сделать этого я не мог. Был Толстой в те годы уже не так молод, да и боялся я, как бы он не угодил под пулю или снаряд. Но все это мне трудно было объяснить Алексею Николаевичу.

— А знаете ли вы, что в первую мировую войну я был специальным военным корреспондентом?..— убеждал он меня. И рассказывал о своих поездках по дорогам войны 1914 года на Волыни, в Галиции, в Карпатах, а в пятнадцатом году — на Кавказе, о фронтовых путешествиях на клячах, пешком по колени в грязи и даже на редких в ту войну автомашинах. Напомнил он и Испанию, где побывал в траншеях под Мадридом.

Словом, доказывал, что фронт ему не в новинку.

Я отвечал Толстому, что и время другое, и война другая, и сам Алексей Николаевич другой. Говоря так, я имел в виду не только годы, но прежде всего его место в литературе. Но когда я понял, что все эти аргументы не действуют, я призвал на помощь последний, самый сильный: я сказал Толстому, что у меня уже был разговор на эту тему с секретарем ЦК партии А. С. Щербавым и я получил ясный ответ: «Ни в коем случае. Беречь Толстого, на фронт не посылать».

И все же мы старались дать возможность Толстому если не побывать на войне, то хотя бы встретиться с людьми войны.

Я знал, какой глубокий интерес вызывало у Толстого каждое сообщение о воздушном таране. Он преклонялся перед мужеством героев этих атак и высказывал желание написать о них. В середине августа сорок первого года мы получили сообщение о том, что летчик одного из подмосковных истребительных полков Виктор Киселев таранил фашистский бомбардировщик. Я сказал Толстому:

— Алексей Николаевич, хотите увидеть летчика, протаранившего бомбардировщик? Мы можем отвезти вас к нему, его полк — здесь, рядом.

Связаться с летчиками особого труда не составляло. Я предупредил комиссара полка, что завтра к ним придет Толстой. И утром четырнадцатого августа Алексей Николаевич с Людмилой Ильиничной выехали в полк. Сопровождали их литературный сотрудник газеты неуго-

мимый репортер Дмитрий Медведевский и фотокорреспонденты Сергей Лоскутов и Яков Халип.

Когда они приехали в полк, боевая жизнь там шла полным ходом. Высоко в небе патрулировало дежурное звено. Одни машины взлетали в воздух, другие возвращались с патрульных полетов. Остальные летчики отдыхали после ночных дежурств. Но о приезде Толстого они знали и просили, как только появится писатель, обязательно их разбудить. Понравилось Алексею Николаевичу, что все, и рядовые и офицеры, были подтянуты, побриты, в чистых гимнастерках с белыми подворотничками. Комиссар полка, перехватив испытующий взгляд писателя, объяснил:

— У нас так не только к приезду гостей или начальства...

Толстой обошел стоянки самолетов, осмотрел машины, взбирался в кабины летчиков, обстоятельно беседовал с ними. Затем все собрались на зеленом поле аэродрома в тени крыла истребителя, замаскированного еловыми ветками. Уселись полукругом на траве. Алексей Николаевич в летнем сером пиджаке и синем берете сидел, подложив под себя ноги по-восточному, держа в руках записную книжку. Началась дружеская беседа. Летчики с глубоким интересом слушали писателя.

А потом Толстой с напряженным вниманием слушал рассказы летчиков. Алексей Николаевич в те дни не раз видел их стремительные атаки в небе Москвы и Подмосковья и писал об этом. Особенно запомнилась мне тонко выписанная картина воздушных боев, которые он наблюдал в июле над Барвихой, где он тогда жил.

Но тогда это были для него еще безымянные герои. А вот сейчас Толстой увидел и услышал тех, кто уже два месяца в смертельных боях защищал столицу.

Потом он напишет о них, что это богатыри с «могучим здоровьем, со стальными нервами и врожденной удалью», для которых «небо — просторное поле для поединка, самолет — крылатый конь, а фашист, выпрыгивший из тучи, — желанный противник, с кем надо сразиться насмерть».

Выступил командир полка. Он рапортовал писателю, как рапортуют высшему начальству. Когда он назвал

число сбитых фашистских бомбардировщиков, Толстой поднялся с земли, подошел к нему, прижал к груди и долго не выпускал из своих объятий.

Беседа Толстого с героем будущего очерка Виктором Киселевым продолжалась несколько часов. Этот «смуглый от солнца и ветра» парень с царапиной от виска до подбородка, полученной во время тарана, сидел перед ним, застенчиво поглядывая «серыми веселыми глазами», и рассказывал писателю все как было. Герой, который сознательно шел на самопожертвование, «оправдывался» перед Толстым. Сбить-то он сбил фашиста, но «погорячился, не рассчитал»: его истребитель «ушел» в землю, и он еле успел выпрыгнуть с парашютом. Киселев убеждал писателя, что можно протаранить вражеский самолет, сохранив свою машину.

На прощание летчик подарил Толстому найденный в сбитом им бомбардировщике портсигар-зажигалку с секретом и надписал на портсигаре: «Вам, Алексей Николаевич, в мой знаменательный день. Л-т Киселев».

Отпустили писателя летчики только после того, как он с ними пообедал. Ели тут же на траве, кто стоя, кто сидя, и этот своеобразный праздник с фронтовыми «стаграммами» был и сердечный и торжественный.

Рассказывая мне о своей поездке в боевую летную часть, Алексей Николаевич не раз повторял:

— Какие люди!.. Какие люди!..

Пятнадцатого августа «Красная звезда» напечатала обширную информацию Медведовского о пребывании Толстого у летчиков, а над ней снимок Лоскутова и Халипа с подписью: «Председатель Всеславянского митинга писатель А. Н. Толстой беседует с бойцами и командиром авиачасти». А на второй день в газете появился очерк Толстого «Таран». Писатель ввел в свой очерк рассказ и другого летчика — Катрича, который, протаранив вражеский бомбардировщик, сохранил свой самолет. Тараны Киселева и Катрича были описаны Толстым так детально и технически грамотно, что даже редакционные специалисты-авиаторы не смогли ни к чему придраться — вся летная терминология была выдержана точно.

Не могу не вспомнить в связи с этим первое выступ-

ление Толстого о воздушных боях в московском небе. Во время июльских массированных налетов немецких бомбардировщиков на Москву Геббельс распространялся по радио: Москва превращена в руины, Кремль стерт с лица земли, электростанция разрушена, в городе прекратилось движение. Об этом шумела гитлеровская пресса, кричали специальные листовки, сбрасываемые над нашими войсками. В редакцию полетели запросы из действующей армии: «Как там Москва?» Ответил на это Алексей Толстой. Он сел в нашу редакционную машину и объездил улицы столицы. Конечно, он увидел и обгорелые дома и разрушенные здания и откровенно написал об этом. Побывал писатель и в Кремле и установил, что «Кремль, с тремя соборами хорошего древнего стиля, с высокими зубчатыми стенами и островерхими башнями, столько веков сторожившими русскую землю, и чудом архитектурного искусства псковских мастеров Василием Блаженным, — как стоял, так и стоит». Стоит там же, где стояла, и центральная электрическая станция. Трамваи и троллейбусы ходят по маршрутам, и улицы Москвы полны народа.

Под заголовком «Несколько поправок к реляциям Геббельса» статья была напечатана в «Красной звезде» 29 июля. Выступление Толстого, чей авторитет был безграничен, очень обрадовало фронтовиков.

Возвращаясь к поездкам Толстого в действующую армию, хочу рассказать о его командировке в дивизию дальних бомбардировщиков. Это было уже под конец второго года войны. Наш воздушный флот наносил удар за ударом по глубоким тылам фашистской Германии и его сателлитов. Летали наши бомбардировщики и на Берлин — две тысячи километров туда, две тысячи обратно, а порой даже больше, когда приходилось менять курс из-за непогоды или по другим обстоятельствам. Нам захотелось, чтобы о героях этих дальних боевых полетов сказал свое слово Толстой.

С ним выехал начальник авиационного отдела газеты боевой летчик и одаренный журналист Николай Денисов, позже редактор военного отдела «Правды». В день приезда Толстого дивизия получила боевую задачу, и писатель стал свидетелем того, как началась и как закончилась эта операция.

— Среди авиаторов,— рассказал потом Денисов,— мы провели всю ночь. Толстой легко забирался в кабины самолетов, как бы осваивая рабочие места героев будущего очерка, подолгу беседовал с летчиками и штурманами, побывал на командном пункте, проследил за работой авиадиспетчеров, проехал на радиостанцию, чтобы, надев наушники, послушать голоса радистов, сообщавших с бортов воздушных кораблей о ходе полета.

Писателя интересовала каждая мелочь. Его крупные руки ложились на штурвал боевой машины, касались многочисленных тумблеров на приборной панели, а глаза, весело и живо поблескивавшие за стеклами очков, внимательно разглядывали условные значки маршрутов, проложенных на штабной карте...

Потом Толстой слушал рапорты возвращавшихся командиров кораблей: все вышли к цели и выполнили боевое задание. Домой Толстой возвратился только под утро.

В моей памяти осталась еще одна встреча Толстого с советскими воинами. Через полгода после начала войны мы в редакции стали задумываться: не попробовать ли на страницах «Красной звезды» печатать произведения больших форм с продолжениями. Художественное обобщение уже пройденных первых этапов битвы с врагом, считали мы, не обязательно откладывать на самый конец войны.

Мы стали давать нашим писателям-корреспондентам творческие отпуска. Зимой в начале 1942 года Петр Павленко засел за свою «Русскую повесть». Летом этого же года Василий Гроссман написал «Народ бессмертен», одно из первых крупных произведений советской литературы о войне. Обе эти вещи были напечатаны в нашей газете. В апреле 1943 года Николай Тихонов писал мне по этому поводу: «Очень хорошо, что Павленко, Симонов, Сурков получили большие отпуска. Это совершенно правильно. И литература наша только выиграет, а следовательно, выиграем и мы все вместе. Я могу только им завидовать».

Летним днем 1942 года, когда мы с Толстым вычитывали его статью «Вера в победу», я завел с ним разговор на эту тему. Он в ответ улыбнулся:

— Второе «Хождение по мукам» я вам сейчас не напишу. А что-нибудь побольше этого,— указал он на гранки статьи,— надо бы,— и добавил с упреком: — Но вы меня никуда не пускаете!

Я молча проглотил этот упрек и подумал, что на фронт его пускать запрещено, а живой материал все же ему нужен!

Вскоре выход был найден.

Рядом с дачей Толстого в Барвихе разместилась группа бойцов, уже воевавших в немецком тылу, и я их привел к Толстому. В деревянном доме с островерхой крышей за длинным столом в гостиной уселось человек двадцать. Гостеприимная Людмила Ильинична угостила нас в то не очень сытое время чем сумела, и потекла неторопливая беседа, длившаяся до позднего вечера. Писатель внимательно слушал, пытливно вглядываясь в лица, словно искал портретные черты героев своего будущего повествования, редко прерывая рассказчиков мягкими и точными репликами.

По счастливому совпадению, в Барвихе, на даче Наркомзема, находилась другая группа — офицеров, только что вернувшихся из глубокого немецкого тыла. Один из них, Иван Филиппович Титков, с первого дня войны вел дневник. Он поселился на частной квартире, рядом с домом Толстого, где случайно встретился с писателем. Толстой заинтересовался дневником офицера. В течение нескольких дней, по три-четыре часа в день, Титков рассказывал Толстому о боевых делах своей части, читая отрывки из дневника. Писатель слушал и тут же сам на машинке записывал наиболее примечательные эпизоды.

И наконец, еще об одном источнике «живого» материала для рассказов Толстого. В те дни из глубокого рейда по тылам врага вернулся 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала П. А. Белова. Корпус действовал пять месяцев в районе Вязьмы и Дорогобужа и, объединив многие партизанские отряды и полки, наносил мощные удары по немецким войскам. В это соединение, выведенное в Калугу после рейда, редакция и командировала Толстого; сделали мы это безбоязненно — корпус теперь находился в нескольких десятках километров от передовых позиций. В Калуге Толстой

встречался с генералом Беловым и комиссаром корпуса А. Щелаковским, беседовал с бойцами отдельного танкового батальона и других подразделений. Писатель был безмерно рад этой встрече и хвастал, что привез из Калуги целый мешок впечатлений.

А тринадцатого августа Алексей Николаевич принес в редакцию свои первые рассказы — «Ночью, в сенях, на сене» и «Как это началось», открывшие цикл его «Рассказов Ивана Сударева», рассказов, которые стали самыми значительными художественными произведениями Толстого о Великой Отечественной войне. На многих страницах этих рассказов я находил живые черты знакомых мне собеседников Толстого.

К сожалению, из участников беседы с Толстым в Барвихе запомнились только два человека, Василий Васильевич Козубский и Андрей Федорович Юденков, чьи имена встречаются в «Рассказах Ивана Сударева». Козубский командовал партизанским полком имени Сергея Лазо. После войны он вернулся в родные места, был на партийной работе. Он скончался после тяжелой болезни в 1958 году. Юденков был комиссаром партизанского полка. Сейчас он доктор исторических наук, профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС. Титков командовал партизанской бригадой имени Железняк, стал полковником. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. После войны он был заместителем министра геологии в Белоруссии. Сейчас — на пенсии.

В редакции у нас был неписанный закон: наиболее важные сообщения, факты, эпизоды, поступающие от фронтовых корреспондентов — журналистов, читателей, политических органов, — отбирать для Толстого и Эренбурга. Один из наших спецкоров, Василий Коротеев, привез с Северо-Кавказского фронта корреспонденцию о предателе Михее Пестрове; после изгнания немцев из Краснодарского края он был пойман и казнен. Когда я прочитал этот материал, я вызвал Коротеева и спросил его: как он отнесется к тому, чтобы его материал передать Толстому. Коротеев даже обрадовался:

— Очень хорошо, если то, что я написал, пригодится Толстому. Это для меня большая честь.

Корреспонденция Коротеева послужила основой для рассказа Толстого «Мать и дочь», который печатался подряд в трех номерах газеты.

Словом, скажу без преувеличения, что краснозвездовцы старались все сделать, чтобы выступления Толстого печатались в газете как можно чаще.

Несмотря на все «запреты», Толстому удалось однажды «прорваться» на фронт. В июне 1943 года Алексей Николаевич вылетел из Москвы на Северный Кавказ по делам Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний. Там он и побывал в боевых частях.

Хотелось бы мне рассказать еще об одной встрече Толстого с фронтовиками и об их судьбах, оставивших след в военной биографии писателя.

В марте 1943 года, в дни, когда советские люди щедро отдавали свои сбережения на строительство самолетов, танков, пушек для Красной Армии, Толстой обратился в правительство с просьбой передать премию, присужденную за роман «Хождение по мукам», на постройку танка и разрешить назвать его «Грозным». Толстой связал это название с именем Ивана Грозного, о котором в 1941—1943 годах писал драматическую повесть. Об этой повести Толстой писал так: «Она была моим ответом на унижения, которым немцы подвергли мою родину. Я вызвал из небытия к жизни великую страстную русскую душу — Ивана Грозного, чтобы вооружить свою «рассвирепевшую совесть». Желание Толстого было исполнено.

И вот в хмурое ноябрьское утро Алексей Николаевич с Людмилой Ильиничной и группой писателей, тоже передавших свои премии на строительство танков, выехали под Москву для вручения танков их экипажам.

Я видел снимки этой торжественной церемонии. На фото — опушка леса с высокими елями, упиравшимися своими тонкими верхушками в серое низкое небо. Импровизированная трибуна из свежеструганных досок на полянке с пожухлой травой. Перед трибуной выстроились «тридцатьчетверки». На рубчатой броне башни командирской машины — яркая белая надпись: «Грозный». У машины четверо танкистов. Трое — совсем еще

молодые парнишки в черных комбинезонах и шлемофонах. На обратной стороне фотографии надписи: Николай Ананьев — механик-водитель, сибиряк; Андрей Жаворонков — заряжающий, москвич; Василий Боровков — стрелок-радист, ростовчанин. Четвертый, постарше, в фуражке и защитных очках на черном околыше, — Павел Беляев, командир машины, в прошлом ивановский ткач.

Я слушал рассказ очевидцев об этих волнующих минутах. Краткий митинг. Алексей Николаевич торжественно «передает» экипажу свой танк и обращается к нему с душевным напутствием. Потом осмотр машины. Толстой, дотошный, горячий, любознательный, вместе с Людмилой Ильиничной взбирается в танк. Писатель осматривает оружие, приборы. Он садится на место Беляева и, прищурив левый глаз, смотрит в командирский прицел, затем пересаживается на место механика-водителя, просит, чтобы закрыли люк, и глядит в смотровую щель, пытаясь представить себе, как из танка может выглядеть поле боя. Большой, грузный, с трудом уместившись на сиденье, с улыбкой спрашивает:

— Как, не тесно вам здесь?..

— Ничего, — в тон ему отвечает танкист, — там, в бою, утрясемся.

Командир машины Беляев, бывалый танкист, награжденный орденом Ленина, влюбленный в свою великолепную «тридцатьчетверку», рассказывает о ходовых и боевых качествах танка. С помощью механизмов наводки поворачивает башню, меняя положение орудийного ствола, хвалит маневренность и выносливость машины. Алексей Николаевич, инженер по образованию, легко усваивает все технические «премудрости».

Влево, на стеллажах, лежат ровными рядами, отливая медью, чуть промасленные снаряды — молчаливая, грозная сила. Беляев дает Толстому «попробовать» один снаряд. Писатель, взяв его в руки и подержав на весу, говорит:

— Неплохой подарок фрицам...

Это не простое любопытство. Толстой уже тогда задумал большой роман об Отечественной войне, и для него все было важно.

Минут двадцать продолжалась беседа в танке. Потом состоялся своего рода «военный парад». Танки прогремели мимо трибуны, прошли вдоль опушки леса и, круто развернувшись, вернулись на поляну. А затем в избушке, убранной свежими сосновыми ветками,— незатейливый «банкет» и проводы: танкисты уходят на фронт.

Вскоре на московскую квартиру Алексея Николаевича приехал молодой подтянутый офицер, комиссар Учебного центра Николай Колесов. По поручению командующего бронетанковыми силами генерала Федоренко он вручил Толстому прекрасно сделанный на танкостроительном заводе макет «Грозного» и фотографию экипажа, снятого вместе с Толстым и Людмилой Ильиничной у танка.

— Ваш танк уже воюет,— сообщил он писателю.

Но через некоторое время Толстой получил печальное известие: погиб «Грозный», погиб и его экипаж. Горько, как близких родных, оплакивали в семье Толстого эту гибель. Но война есть война. Даже узнать, где и как погибли танкисты, тогда не удалось.

Минуло двадцать семь лет. Из рабочего кабинета Толстого Ираклий Андроников вел передачу о творчестве и жизненном пути Алексея Николаевича. Он показывал различные фотографии. Среди них — известное уже нам фото «Грозного» и его экипажа. А в это время, на другом конце страны, в Краснодаре, передачу смотрел бригадир слесарей-ремонтников технологического оборудования завода «Металлоштамп» и узнал себя. Это был командир «Грозного» Павел Беляев. Он не погиб. Не погиб тогда и «Грозный». Беляев сразу же написал об этом в Москву, Людмиле Ильиничне. А потом приехал и рассказал о судьбе «Грозного», о его экипаже. Боевой путь танка начался сразу же после торжества — 7 ноября. Он форсировал Днепр, сражался за города и села Украины. Под Пятихаткой рота Беляева впервые встретилась с «тиграми» и в тяжелом противоборстве уничтожила четыре вражеских машины. Под Кировоградом группа танков, в которую входил «Грозный», прорвалась в глубокий тыл немцев, атаковала вражеский аэродром, уничтожив 30 тяжелых бомбардировщиков и две зенитные батареи врага.

В одном из боев Беляев был контужен, а командир башни Жаворонков ранен. Но «Грозный» продолжал воевать. Беляев проследил его путь до августа 1944 года — танк Толстого сражался тогда уже на румынской земле. Но здесь «ниточка» оборвалась...

Сам Беляев, как говорится, прошел «огонь и воду» с первого и до последнего дня войны. Он был четырежды ранен и дважды контужен и каждый раз возвращался на фронт. Он воевал в Польше, сражался в Восточной Пруссии, штурмовал Кенигсберг и закончил войну командиром танкового батальона.

Почетный гость семьи Толстого побывал на квартире писателя, которая осталась такой же, какой была при жизни Алексея Николаевича. На Новодевичьем кладбище Павел Беляев возложил цветы на могилу Толстого. Потом он осматривал столицу, где не был со дня Московской битвы. В здании панорамы Бородинского сражения у него произошла неожиданная и знаменательная встреча. Директором панорамы оказался тот самый молодой офицер, комиссар, который снаряжал танкистов «Грозного» и вручал Толстому макет танка, — Колесов Николай Андреевич, ныне в звании генерал-майора.

Толстой тонко чувствовал пульс войны. Он знал, когда и какое слово нужно фронту, какая тема самая животрепещущая. Он откликнулся в «Красной звезде» на все самые важные события. Его первая статья в нашей газете называлась «Армия героев». Многие имена живых и мертвых героев Великой Отечественной войны увековечены в его произведениях тех лет. В них нет батальных сцен. Он не рисовал картины сражений, но изумительно тонко и проникновенно раскрывал душу советских людей на войне, русский, советский характер.

Толстой никогда не преуменьшал грозной опасности, нависшей над нашей Родиной. В первых же своих выступлениях в «Красной звезде» он мужественно писал: «Враг сильный и опасный». Даже в разгар нашего контрнаступления под Москвой Толстой в своей статье «Первый урок», напечатанной в газете 19 декабря, предупреждал: «Нацисты страшны, и еще много намерены пролить они человеческой крови. Нам ни на мгновение

нельзя утешаться сводками Информбюро. Впереди и грандиозные битвы, и случайности войны, и — шаг за шагом — поражение и конечный разгром всех фашистских армий».

Несокрушима была вера Толстого в нашу победу над врагом. В критические дни, в октябре 1941 года, когда немцы были у ворот Москвы, он возвысил свой голос, предвещавший нашу победу. Непокколебимостью дышала каждая строка его знаменитых статей «Нас не одолеешь!», «Москве угрожает враг», «Кровь народа», «Родина»...

Мне навечно запомнилась статья Толстого «Родина», образец блистательной публицистики времен Великой Отечественной войны; эту статью до сих пор читают со сцены, как поэтическое произведение.

Накануне Октябрьского праздника я обратился к Алексею Николаевичу с просьбой: «Работаем небольшим коллективом, трудностей много, но не унываем. Готовим Октябрьский номер. Прошу написать статью на тему «За что мы воюем»...». Толстой сразу же откликнулся. Это и была «Родина». Тема раскрыта с такой силой убедительности, на какую способен только настоящий художник. Естественно и закономерно, что статья была напечатана 7 ноября сразу во всех ведущих газетах страны — «Правде», «Известиях» и «Красной звезде».

Пророческие слова Толстого «Мы сдюжим!», перебивавшиеся с памятным для моих современников выступлением Ильи Эренбурга «Выстоять!», стали символом жизни и борьбы советских воинов в дни сражений за Москву. Эти слова я потом читал в заголовках и «шапках» фронтовых газет, на транспарантах по дорогам войны, они звучали, как клятва в бою, на митингах и собраниях защитников столицы, а на второй год войны — под Сталинградом, везде, где шла жестокая, смертельная борьба с врагом.

Толстой часто обращался через нашу газету к советским воинам то с величаво-торжественным, то с душевным словом: «Дорогие и любимые товарищи, войны Красной Армии...», «Товарищ, друг, дорогой человек на фронте...», «Низкий вам поклон, солдаты Красной Армии...» — и фронтовики отвечали писателю тем же. По-

желтевшие от времени письма бойцов к писателю хранят слова глубокого уважения, любви и благодарности к художнику. «Все Ваши статьи мы читаем по нескольку раз... Всякий раз после читки Вашей статьи мы крепче сжимаем винтовку...», «Мы вместе громим обнаглевших врагов...», «В такую тяжкую и грозную годину для нашего народа слушать Вас — величайшая отрада» — так писали с разных концов фронта и страны.

Во многих полках Алексея Николаевича зачисляли почетным гвардейцем «с высылкой красноармейской книжки и гвардейского значка». На его имя открывали счет уничтоженных фашистов, орудий и танков. От имени писателя давали залпы пушек и «катюш» по врагу...

Это ли не наивысшая награда и признание воинского подвига писателя!

1972